

Фотографии

Из жизни паломника.

Собрано в общине меннонитов.

∞

Опубликовано

от

Якоб Элленбергер

Проповедник меннонитской общины в Айхштоке, Бавария.

∞

На благо наших миссионерских целей меннонитов.

∞

Самостоятельно опубликовано автором

1878.

Из жизни юноши-меннонита.

(Согласно имеющимся у него документам.)

∞

а. Ценятся люди, обладающие способностями .

Следующие события происходят во время моих школьных лет. К сожалению, наша сельская школа [в Гённхайме] была в плачевном состоянии. Сам учитель был крайне скудно осведомлён, и многому у него нельзя было научиться. Поэтому меня отправили во Фридельсхайм, в школу наших меннонитов, где я научился довольно хорошо читать, писать и считать, а также немного петь. Однако география, немецкий язык, письменные упражнения , рисование и т. д . были неизвестными предметами в начальной школе того времени. Тем не менее, я занимался этими предметами конфиденциально, по собственному желанию, насколько мог; и благодаря усердному чтению разных книг я смог приобрести некоторые знания и, следовательно, не был совсем невежественным в географии.

Это было в начале 1814 года. Французы, отступая из России , уже бежали обратно через германские границы, и в моем родном городе, как и в других местах, размещались русские военные силы.

В те дни мне пришлось показать дорогу во Фрайнсхайм одному высокопоставленному офицеру. Поездка осуществлялась в конном экипаже — повозке, распространённой среди русских. Мне пришлось сидеть

перед ним, лицом к нему . Кучер сидел на козлах и управлял лошадьми.

Офицер очень хорошо говорил по-немецки. Когда мы вышли из деревни, он спросил названия мест, которые мы видели вокруг. Затем он расспросил о местоположении крупных городов, таких как Мангейм, Майнц, Мюнхен, Берлин, Санкт-Петербург и Париж, и, наконец, о разных странах. Благодаря обширной читательской литературе я смог дать ему довольно точные ответы на все эти вопросы.

Во Фрайнсхайме был посещен высокопоставленный офицер, который гостил у мирового судьи Ретцера .

Я находился внизу, в комнате, где, как мне показалось, остановились слуги. Внезапно дверь отворилась , и вошёл мой офицер, сказав: «А, вот и мой попутчик», – и, взяв меня за руку, повёл наверх, в большой, красивый зал, где собралось несколько джентльменов в штатском и офицеров, и представил меня им как своего попутчика, с которым он очень приятно беседовал в дороге. Сначала я немного смутился. Неудивительно, ведь я никогда раньше не бывал в такой большой и знатной компании. Но, похоже, им было весело, и поэтому я вскоре почувствовал себя увереннее.

Затем пришло время сесть за стол, и я хотел уйти, но мой офицер, взяв меня за руку, сказал: «Не торопись, ты будешь обедать с нами». – И я съел много блюд, которых не знал. Но они были очень хороши. А к хорошей еде из великолепных кубков пили изысканное вино.

Затем хозяин подошёл ко мне, положил руку мне на плечо и сказал: «Что ж, маленький географ, вино, которое ты пьёшь, выращивают не здесь, а в Испании, и называют его по имени города, близ которого оно произрастает, « Малага ». А можешь ли ты сказать мне, где находится Испания?!» Я указал направление довольно точно, на что мой офицер гордо заявил: «Мой попутчик всё это знает».

Вечером мы поехали обратно, и он подарил мне кроненталер (4 М. 63), на который я должен был купить хорошую книгу.

б. Как Бог помог этому молодому человеку купить биографию Штиллинга.

Дождливые и дорогие 1816 и 1817 годы, принесшие столько лишений , были для меня в другом отношении годами благословения. Ибо я был пробудился ото сна всеобщей нищеты и великого горя тех дней и мощно потянулся к Господу. Кроме того, меня охватила великая любовь к чтению, можно сказать, даже пристрастие к чтению . Я читал день и ночь, и сон никогда не приходил ко мне. К счастью, в мои руки попадались только хорошие книги. Терстегенс, Арндт, Кемпис, Банханс , Штиллингс и другие христианские книги были тем, что я читал с подлинной жадной в то время. Труды Штиллингса особенно привлекали меня, настолько, что я с радостью приобрел бы их.

Чтобы их приобрести, я изобретал всевозможные способы получить необходимые средства. Конечно, я рассматривал и не совсем честные способы, но именно поэтому отверг их и остановился на основополагающем

принципе: ничего несправедливого! Я мог быть ещё спокойнее, зная, что у Господа никогда нет недостатка в средствах. И если Он дарует мне труды Стиллинга, Он также предоставит мне законные средства для их получения. И я получил их самым замечательным образом. А именно, следующим образом:

Однажды в воскресенье я пошёл в нашу церковь в Эрпольсхайме. Проповедь была посвящена Евангелию о бедной вдове, положившей две монеты (Лк. 21:1–4). Проповедь произвела на меня глубокое впечатление. По дороге домой я размышлял над ней, и моё сердце смягчилось. Тут ко мне подошёл бедный старик и попросил милостыню. У меня с собой были все мои деньги; это была монета в шесть пфеннигов (69 пфеннигов), которая и стала основой для покупки сочинений Штиллинга. Я не мог отказать бедняку, напротив, с радостью отдал ему всё. Было видно, что этот дар поразил его радостью, и он хотел выразить ему свою благодарность. «Да воздаст тебе Господь щедро!» — сказал он в знак благодарности.

Это исчерпало мои средства на покупку книг Стиллинга. И разве я не отдалился от своей цели, а не приблизился к ней? Нет.

Напротив нашего дома была гостиница. Однажды там остановился знатный всадник. Хозяин гостиницы подошёл ко мне и сказал: «Якоб! У меня сейчас никого нет дома. Не будешь ли ты так добр присмотреть за лошадью незнакомца, чтобы я мог как следует о ней позаботиться?» Я расседлал лошадь и дал ей воды и хлеба. Затем я снова взнуздal её, что потребовало от

меня больших усилий, пока я не освоился ; но в конце концов мне это удалось. Прежде чем сесть в седло, господин осмотрел мою уздечку ; он был очень доволен и дал мне две монеты по шесть пфеннигов .

В другой раз я стоял перед домом отца в сумерках. Подъехал экипаж ; он остановился, и один из сидевших в нём господ спросил меня, сколько до Вахенхайма. Я дал ему требуемую информацию, после чего он задал мне ещё один вопрос: не буду ли я так добр проводить их до Вахенхайма с фонарём? Конечно же, я с радостью согласился, принёс фонарь и сел рядом с ним на место кучера.

Когда мы подъехали к Вахенхайму, господа в экипаже спросили о лучшей гостинице в деревне, и, когда я постарался дать им всю необходимую информацию, они остановили кучера и зажгли фонари. После этого они сказали мне: «Теперь можете повернуть назад; мы найдём дорогу вокруг Вахенхайма». Я вышел, пожелал им счастливого пути и уехал. Затем господа позвали меня обратно к экипажу и спросили: «Вы показали нам дорогу, а теперь хотите вернуться ни с чем?» На что я ответил: «Я сделал только то, что обязан сделать для любого незнакомца ». Господин ответил : «Это верно, но мы также обязаны выразить свою признательность. Дайте мне руку на прощание!» С этими словами он вложил мне в руку немного денег, и экипаж тронулся.

При свете фонаря я пересчитал деньги. Их оказалось 48 монет по шесть пфеннигов, то есть 4 флорина и 48 крейцеров. К этому я добавил два моих шестибетцнера , итого 5 фл. 36 крон (М. 60). – Некоторое время спустя я

купил **«Жизнь и Серого человека» Штиллинга** в абонементной библиотеке в Мангейме за **пять гульденов и тридцать шесть крейцеров** .

с. Этот же молодой человек путешествовал по каникулам, будучи учеником в Бёггене.

1. Возвращаемся домой, в Баден и Вюртемберг.

Моё первое путешествие состоялось 25 апреля 1825 года с учеником Бёдербеком , милым, серьёзным, тихим, христианским юношей, на родину, а оттуда в Баден и Вюртемберг.

Второго мая, к вечеру, я с вышеупомянутым спутником моим прибыл домой к отцу и сестрам; они приняли нас с радостью. Мы прожили там десять дней, много раз бывали в гостях и присутствовали на богослужении во дворе больницы.

Обратный путь мы начали пешком из Фридельсхайма через Шпейер до Грабена, где стоял известный пастор Хойхёфер , перешедший из католической в протестантскую церковь . Мы слушали его проповедь в праздник Вознесения Господня. После службы мы навестили его, а затем, в сопровождении друга-христианина из Вюртемберга, отправились в Кляйнштайнах, а на следующий день – 12 мая – в Мюльхаузен, где посетили господина Бронненканта , бывшего ученика Бёггера .

В Мюльхаузене я встретил семьи, покинувшие католическую церковь вместе с пастором Хенхёфером . В них ещё теплилась искра первой любви, и их души были

пронизаны духом истинного мира. Посещение замка имело для меня особое значение. Штайнегге, в доме барона фон Геммингена, от которого я узнал историю его ухода из Католической Церкви вместе со взрослыми членами семьи. На память он подарил мне «Христианское исповедание веры пастора Хенхёфера из Мюльхаузена».

Оттуда мы отправились через Пфорцхайм в Леонберг, где нанесли короткий визит господину Йозенхансу, вероятно, отцу нынешнего инспектора миссионерского дома в Базеле. Господин Йозенханс сопровождал нас часть пути до Корнталья, куда мы прибыли к полудню и были очень гостеприимно приняты нашим бывшим учителем в Бёггене, господином Барнером.

Корнталь, колония, основанная Г. В. Хоффманом и населённая исключительно благочестивыми христианами из Вюртемберга, произвела на меня самое сильное впечатление. Известно, что здесь находятся прекрасные учебные заведения. Место богослужения – не церковь с кафедрой, а молитвенный зал с аналоем, вокруг которого полукругом во время службы сидит молодёжь. Особенно меня впечатлил детский час, который мистер Каллен проводил на открытом воздухе под тенью деревьев по воскресеньям.

В воскресенье вечером мы выехали из Корнталья в Штутгарт, столицу Вюртемберга, где нам нужно было передать письма купцу Херингу. Передавая их, он так любезно и настойчиво пригласил нас остановиться у него, что было бы нескромно не принять приглашение. Во время наших прогулок по городу нам также

посчастливилось увидеть короля, обедающего в садовом салоне. Это было поистине королевское мероприятие; но из всех королевских дворов это было всё, что мы смогли увидеть. Однако, в отличие от нашей скромной казённой еды, с нами тоже обращались по-королевски все дорогие друзья-христиане, многих из которых мы посетили в Штутгарте ; так что и в этом отношении мы получили представление о королевской жизни .

В день нашего запланированного отъезда наш дорогой хозяин , герр Херинг, пришёл к нам в спальню рано, ещё до рассвета, разбудил нас и сказал: « Извините, что потревожил ваш сон. Срочная командировка вынуждает меня спешно уехать, и я пришёл попрощаться с вами». Он подошёл к каждой из наших кроватей и сердечно попрощался. Мы пожелали ему счастливого пути и удачи в делах. Уходя, он сказал: «Здесь, на столе, я оставляю каждому из вас небольшой сувенир на память». И с этими словами он поспешил прочь. Утром мы нашли два сложенных листка бумаги, и в каждом лежало по три кронаталера – дорожные деньги (13М. 89). Разве не стоит вспомнить слова из Псалма 126:2: «Он даёт друзьям своим, даже когда они спят?»

После завтрака мы попрощались с госпожой Херинг и прислужгой-христианином и отправились в университетский город Тюбинген. Здесь нам нужно было выполнить поручения студента-христианина по имени Фоглер и профессора Штойделя , пригласившего нас на обед. Профессор и его жена вели за столом очень оживлённую беседу, и я был весьма удивлён, насколько

внимательно этот учёный господин беседовал с нами, учениками Бёггера .

В Балингене мы посетили Якоба Баумана, молодого торговца льном, часто выступавшего в Бёггене, а также его мать и сестру. Это была прекрасная семья, полная христианских убеждений. Вечером пожилая мать угостила нас пивным супом, который легко мог поспорить даже с хорошим винным супом.

Теперь едем в Туттлинген. Там мы выполнили поручения, порученные нам помощником Роммелем и судьёй Клеттом, двумя дорогими людьми Божьими. А теперь мы пересекли границу Бадена и направились в Шаффхаузен. На Туттлингенских высотах мы немного отдохнули, наслаждаясь великолепным видом на швейцарские горы и Боденское озеро. Здесь нас догнали паломники, которые сопровождали нас в Шаффхаузен. Это были молодые люди обоего пола, совершившие это паломничество с поистине благочестивыми намерениями, ибо они верили, что этим трудом можно заслужить себе место на небесах, как учит их церковь.

Мы с радостью вступили с ними в беседу и, воспользовавшись случаем, указали им на то, что Слово Божье ясно и недвусмысленно учит, что мы не можем заслужить небеса и спасение нашими добрыми делами, даже если они самые лучшие и благородные в человеческих глазах, но что мы оправданы и спасены, а значит, и наследники небес, только по благодати через веру во Христа Иисуса . На это они ответили: «Да, нам самим не дозволено читать Слово Божье; его могут читать только наши священники, и мы должны верить тому,

чему они нас учат». Затем мы спросили их: «Кому вы больше верите – Богу и Его Слову или Папе и его священникам?» Они не знали , что сказать, но предположили, что Папа в этом вопросе выше Бога. Можем ли мы на этом остановиться? Нет, мы пошли ещё дальше, достали из карманов свои заветы и прочитали им следующие отрывки: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете в них иметь жизнь вечную, а они свидетельствуют обо Мне» (Иоанна 5:39). «Кто учит иному и не пребывает в здравом слове Господа нашего Иисуса Христа и в учении благочестия, тот помрачен и ничего не знает, но мучим спорами и препирательствами о словах, которые рождают зависть, распри, злословия, злые подозрения и т . д. » (1 Тимофею 6:3-5). «Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам , да будет анафема» (Галатам 1:8). Тогда некоторые из них сказали – и было видно, что они были серьёзны: «Мы бы с удовольствием почитали Слово Божие, если бы оно было у нас». Мы откликнулись на это пожелание, пригласив их в тот же вечер либо к яблоне господина Александра Бека, либо к розарию господина фон Пайера ; мы хотели быть уверенными в исполнении их желания. На этом мы расстались с ними. Их искренность была видна по их присутствию или отсутствию. И они действительно пришли.

Мы остановились у господина фон Пайера , в доме которого мы также встретили господина Александра Бека. Мы, естественно, поделились с обоими господами своими впечатлениями о путешествии, разговором с паломниками и данным им обещанием, и они с

готовностью согласились исполнить наше обещание. Когда прибыли эти добрые люди, каждый из них получил в подарок Библию. Было почти трогательно видеть, с каким благоговением и святым трепетом они взяли книгу и поцеловали ее . Их отпустили с наставлением усердно читать ее и просить у Бога просветления для правильного понимания . Их радость и благодарность были несомненны; ибо, когда они пожали нам руки на прощание, мы едва могли удержать их от поцелуя наших . Что с ними стало, я, конечно, не знаю; но слово Божье хранит обещание, что оно не вернется с пустыми руками. Исаия 55:11.

дверь в комнату внезапно распахнулась, и, ко всеобщему удовольствию, вошёл молодой ручной олень. По приглашению хозяина засвидетельствовать своё почтение гостям, он подошёл к ним, склонил голову к земле и ударил копытом. Выразив почтение гостям за круглым столом, олень подошёл к хозяину, который погладил его, угостил лакомством и отпустил.

Теперь пора было возвращаться в дорогой Бёгген. Но как я мог покинуть Шаффхаузен, не упомянув всемирно известный Рейнский водопад? Это великолепное природное явление, где всемогущество предстаёт во всём своём величии, а человечество – в своей малости и ничтожности ! Особенно впечатляющее зрелище открывается у подножия замка Лауфен. Там зритель стоит под сенью деревянного балкона . Земля дрожит под его ногами, а перед ним и над ним, белая, как снег, вода, бурля, шипя и пенясь, бурлит и с ужасающей силой устремляется в глубину. На противоположной стороне

водопад предстаёт во всей своей красе. Если солнце светит в нужное время, в тонком тумане, наполняющем воздух и смачивающем одежду наблюдателя, возникают радуги. Зрелище ошеломляющее. Этот могучий водопад (водопад) произвёл на меня такое сильное впечатление, что мне показалось, будто я всё ещё слышу его рев во сне, и я вздрогнул и проснулся.

2. Поездка в Цюрих без паспорта.

На школьных каникулах я с несколькими учениками отправился из Бёггена, чтобы навестить друзей, живущих неподалёку. Мы не планировали длительную поездку, так как погода была очень дождливой. Но, о чудо, внезапно тучи рассеялись, небо стало ясным и ясным, а солнце светило ярко и тепло. Тогда в нас проснулась тяга к путешествиям, и мы без лишних слов решили отправиться в Цюрих.

По дороге мы встретились с другими учениками и нашим учителем музыки Бёйтенмюллером, который, как и мы, подхватил страсть к путешествиям. Но ни у кого из нас не было паспортов или каких-либо других документов, удостоверяющих личность.

Подойдя к городским воротам Цюриха, нас остановил дежурный офицер и потребовал паспорта. Мы смущённо переглянулись.

Офицер сказал: «Совершенно очевидно, что вы не бродяги; но как вы, будучи чужаком, осмеливаетесь путешествовать без каких-либо документов?»

Мы открыто сообщили ему о нашем неожиданном решении предпринять это путешествие и ожидали сурового суда .

«У кого вы намерены остановиться ?» — спросил офицер.
«У господина Кауфмана Вихельхауса !» — был наш ответ.

«Отлично!» — сказал он. «Значит, там мы и встретимся вечером!» И с этими словами он любезно нас отпустил.

Господин Вихельхаус Мы рассказали о нашем приключении у ворот и узнали от него, что этот офицер был приглашён на семейное торжество к нему домой тем же вечером. Наступил вечер. Появился дружелюбный офицер. «Где мои заключённые?» — спросил он сразу же, как только вошёл. Господин Вихельхаус представил нас ему. — А затем он приветствовал нас как друзей и произнёс официальным, но шутливым тоном: «Господа и друзья, объявляю вас свободными!»

Мы провели очень приятный вечер в обществе этого дома; однако появление у ворот дало желанный повод для веселого и безобидного подшучивания, которое мы с радостью приняли.

В Цюрихе мы также посетили Антистеса Гесса. Он отмечал своё 90-летие и в тот день смог сказать: «У него седые волосы, но глаза как у орла». На память он подарил всем Цюрихскую Библию, которая у меня до сих пор хранится.

Примечание редактора: Молодой человек того времени теперь уже пожилой человек с седыми волосами, который на протяжении 44 лет нес почести и тяготы школьного

служения и по сей день несет почести и тяготы проповеднического служения.

3. Поездка в Берн и через Мюнстерталь .

Когда такое учебное заведение, как Бёгген, устраивает своим ученикам каникулы, классы вскоре пустеют. Планы поездок обычно уже составлены, поэтому уже на следующее утро можно увидеть, как братья с радостью отправляются в путь группами по два-три человека. Однако, если их несколько, им требуется немного больше времени, чтобы собраться.

То же самое произошло и осенью 1925 года. Несколько учеников, в том числе и я, предприняли поездку в Берн.

Первые несколько дней у нас шёл непрекращающийся дождь, из-за чего некоторым пришлось вернуться в Бургдорф. Как мы позже узнали, они вернулись в Бёгген как раз к тому времени, когда дождь прекратился и погода прояснилась.

Наше путешествие пролегло из Базеля в Листаль, Ольтен, Арбург, Цофинген, Зурзен , Хутвиль , Бургдорф, Хофвиль , а затем в Берн, прекрасный швейцарский город на полуострове реки Ар. Несмотря на дождь и грязь, я в полной мере наслаждался великолепными пейзажами. А многочисленные проявления любви и гостеприимства, которые мы встречали повсюду в этой поездке, пошли нам на пользу , обогатив наш отпуск как физически, так и морально, и сделав наш поход более лёгким. Я могу вспоминать об этом только с благодарностью и радостью.

Визит в [Хофвил , интересное учреждение господина фон Фелленберга , показался мне весьма странным .](#)

Расположение этого учреждения великолепно, а царящий там свежий, благочестивый дух весьма благотворен.

*Согласно отчету доктора А. Остертага, который провел в этом учреждении две недели в 1836 году, чтобы изучить характер его системы обучения и воспитания, а также его религиозную позицию, цель учреждения была благородной и великой, исключительно [Фелленберг Принципы](#) были решительно рационалистичными. – Фелленбергер открыто и откровенно высказывался об этом против Остертага . Приведу лишь один пример: Фелленбергер , комментируя первородный грех, сказал: «Это мечта теологов». Более того, в этом учреждении даже не молились за едой. Следовательно , у него не могло быть будущего, в отличие от подобных учреждений, которые, тем не менее, были основаны на духе Христа. Хофвил **не** был основан на Христе как на скале. Тем не менее, он мог произвести самое благоприятное впечатление на случайного посетителя, поскольку господин фон Фелленбергер был благородной, умной и утончённой личностью, посвятившей все свои силы и любовь своему делу. Среди преподавателей были и те, кто верил в Библию. [Примечание редактора]*

С тех пор погода была чудесной, и я мог любоваться бернскими пейзажами, залитыми ярким солнцем, делавшим всё таким приятным. Эти очаровательные пейзажи часто наполняли меня изумлением и восторгом. Само собой разумеется, мы не упустили возможности увидеть медведей в Берне.

Проведя десять дней частично в Берне , частично в его окрестностях, мы отправились в обратный путь через Лаупен. Муртен, Эрлах , Моравское учреждение Монт Мирай , Лоле , Ла -Шо -де-Фон, Нойшац через Мюнстерталь . В Мюнстере мы посетили мать Самуэля

Гобаца, тогда студента-миссионера, а ныне епископа Иерусалимского, и несколько семей меннонитов . В частности, мы планировали посетить семью меннонитов Мозер , известных как Шампотаны , в Кляйнмюнстере, где нас ждало небольшое приключение, о котором я здесь расскажу.

Однажды вечером мы встретили на улице меннонита. (В то время их легко было узнать по серой одежде с хомутом и бородам.) Мы спросили его о Йоханнесе Мозере, и он рассказал, что тот живёт в получасе езды от Кляйнмюнстера, на холме. По дороге мы часто спрашивали, правильно ли мы идём к дому Ганса Мозера. «В противном случае, да!» — был обычный ответ. Наступил вечер, а мы всё ещё не видели никаких признаков жилья. Наконец наступила ночь, и густой лес окутал нас гнетущей тьмой. Мы испугались и подумали, что заблудились. Внезапно мы услышали лай собак и направились к ним . Наконец мы добрались до того, что, казалось, было человеческим жилищем.

Мы вошли и первым делом оказались в большой кухне, где горело несколько очагов, вокруг которых сидели группы мужчин, женщин, юношей и девушек, по-видимому, готовивших себе ужин и разговаривавших по-немецки и по-французски.

Мы спросили: «Здесь живет Ханс Мозер?»

«В противном случае, возможно!» — был ответ.

Мой попутчик ужасно испугался и подумал, что мы связались с шайкой грабителей .

Кроме лаконичного ответа: «Возможно, так и есть!», никакой дальнейшей информации мы не получили, и никому до нас не было дела.

Я открыл дверь , и здесь тоже было полно людей всех возрастов и полов, говорящих по-немецки и по-французски. Некоторые стояли, некоторые сидели, а некоторые лежали на земле, неся различный багаж.

Это была длинная, узкая комната. В дальнем от входной двери конце стоял стол, перед которым сидел маленький старичок в белой остроконечной шапке, надвинутой на уши. Он спал, положив руку на книгу размером с самый большой фолио. Рядом со столом стоял открытый шкаф, полный книг, бутылок, флаконов и банок.

Наконец спящий человек поднял голову и произнёс имя. Из толпы кто-то подошёл к нему; он тихо заговорил с ним, что-то написал и что-то ему передал, после чего отпущенный удалился; затем было названо ещё одно имя.

Мой попутчик шепнул мне: «Ты думаешь, мы попали в шайку разбойников? Вон тот — их капитан, отдающий своим подчинённым необходимые приказы!»

Затем я подошел к маленькому человечку за столом и спросил: «Здесь живет Ханс Мозер?»

«Иначе, наверное!»

«Может быть, вы сам Ганс Мозер!»

«Иначе, наверное!»

«Вы знаете господина Ангаса ?»

«Иначе, наверное!»

Затем он пренебрежительно махнул рукой, давая понять, что мне следует подождать своей очереди. Я отошёл к своему попутчику, но не смог сообщить ему никаких утешительных новостей.

Мимо нас как раз проходил высокий, красивый, хорошо одетый молодой человек. Я остановил его и спросил, можно ли нам что-нибудь перекусить.

«В противном случае, возможно!» — был ответ, и он ушел.

Мой товарищ сказал: «Я ничего не могу есть!» Я ответил ему: «Да ешь же , нам всем скоро умрёт!»

Вскоре нам принесли жареное мясо, салат и картофель и спросили, не хотим ли мы вина. Вернер — так звали моего попутчика — сразу же ответил: «Нет!» Но я ответил: «Да, только бутылку хорошего вина!»

Мой дорогой Вёрнер был полон смертельного страха; он почти не ел и не пил. Мне же, напротив, всё это показалось превосходным.

Пока они расчищали завалы, я попросил выделить мне место для сна. Вернер сказал: «Я не могу спать». «Хорошо, — сказал я, — тогда ты будешь бодрствовать и разбудишь меня, если понадобится » .

В комнату, где нам предстояло спать, вела довольно шаткая лестница. Там, правда, стояли две хорошие

кровати. Одна из них уже была занята. Вернер шепнул мне: «Возьми с собой деньги и часы!» Я же вслух воскликнул: «Какая от этого польза?»

Когда я пытался заснуть, мой спутник, измученный страхом, толкнул меня локтем. Наконец, сон одолел и его, а я обрел покой.

Утром нас разбудил какой-то шум, и симпатичный молодой человек встал у нашей кровати, пожелал нам доброго утра и сказал, что скоро вернется и заберет нас.

Едва мы встали с постели и оделись в самый минимум, как он пришёл и заставил нас следовать за ним. Затем он провёл нас в великолепную комнату, подобной которой я никак не ожидал найти в этих горах. Там стояли диван, мягкие кресла, умывальник с мисками, мыло, расчёска и тапочки. Он, молодой человек, время от времени прохаживался по комнате и был чрезвычайно дружелюбен, но старательно избегал всех заданных ему вопросов. Наконец, после того как мы закончили туалет, он пригласил нас завтракать. Мы последовали за ним, и он провёл нас в гостиную, где нас ждал его отец, старик в остроконечной шапке у большой книги, и его мать – почтенная матрона с седой головой.

Едва мы вошли, как к нам подошли двое стариков, сердечно поприветствовали нас швейцарским: «Grüß Euch Gott!» («Благослови вас Бог!») и попросили прощения за равнодушие, с которым мы столкнулись в их доме. Они просто приняли нас за чужаков, ищущих у отца помощи и медицинского совета !

Ганс Мозер был всемирно известным врачом, а все незнакомцы были людьми, ищущими помощи.

Когда я рассказал им о страхе моего спутника и о том, что он подумал, будто мы наткнулись на банду разбойников, старушка-мать заплакала и не успокоилась, пока мы не удовлетворили её просьбу остаться у них ещё на день. Добрая мать сделала всё возможное, чтобы компенсировать нам пережитое приключение. – Прогулка по Мюнстерталь определенно стоит посетить, ведь это словно Швейцария в миниатюре.

4. Путешествие в Вайзенштайн .

Вайзенштайн — швейцарский аналог Риги. Поездка туда была запланирована десятью-двенадцатью учениками, включая меня, когда начались летние каникулы 1826 года. Руководил группой наш учитель музыки, господин Бёйтенмюллер.

Мы встали рано, в два часа ночи, и стали собираться в дорогу. Один из двенадцати – Йоханнес Шлоссер – удивил нас вкуснейшим пирогом на завтрак, который он испек сам. Поезд отправился в 3:30 утра.

Это было чудесное утро, мы шли по местности, покрытой росой. Мы шли по украшенным бисером коридорам. Наш путь пролегал через Райнфельден в Бубендорф. Там мы остановились у купален, потому что бывший ученик Бёггена был там частным преподавателем и хотел присоединиться к экскурсии.

Большая часть группы отправилась вперёд, а мы вдвоем, Шлоссер и я, ждали вместе с наставником, пока он тоже

не будет готов и экипирован для путешествия. Во время ожидания мы беседовали с матерью хозяина гостиницы , набожной христианкой, которая лично знала Штиллинга и высоко его ценила. Мы должны были воссоединиться с остальной группой в Валленберге , где должны были пообедать.

Когда мы подъехали к воротам города Валленбурга , там стоял сельский полицейский и спросил нас: «Вы из Биггена ?» [швейцарское название Бёггена]. На наш ответ «Да, конечно!» он сказал: «Тогда вы, господа, пожалуйста, следуйте за мной!»

Он привёл нас в большой, красивый дом, но это был не постоянный двор. Там мы нашли наших братьев, сидящих за обильным столом, едящих и пьющих, в самом весёлом и радостном расположении духа.

Сразу при нашем входе появилась приветливая девушка, тепло поприветствовала нас и пригласила следовать за ней. Она провела каждого из нас в отдельную комнату, где были приготовлены вода для стирки , чистая рубашка, носки и тапочки. Она попросила нас расположиться поудобнее, а затем исчезла. Мы не поняли, что это значит, но с благодарностью воспользовались удобствами.

Отряхнувшись от пыли и освежившись, переодевшись, мы вернулись в гостиницу и обратились к остальным : «Кажется, вы посетили необычную гостиницу с необычной хозяйкой?»

«Тихо!» — сказали они. «Мы не в ресторане».

«Но с кем?»

«Мы не знаем!»

Затем, лёгкая, словно ангельская фигура, вошла Дева Мария, призывая нас, опоздавших, сесть и поесть то, что осталось, ведь обед ещё долго ждать. И, лёгкая и упругая, как и появилась, она исчезла. Она появлялась несколько раз; каждый раз она говорила несколько ласковых слов, извинялась за то, что еда ещё не готова, и ловко исчезала.

Наконец она прибыла, с сердечной добротой пригласила нас на обед и провела в столовую к столу, уставленному едой. Там она обратилась к нам с просьбой: «Мы хотели бы спеть несколько куплетов перед едой, как мы это делали в Бёггене».

На это наш учитель музыки ответил: «Мы были бы рады это сделать, но не могли бы вы также рассказать нам, с кем мы имеем честь пользоваться таким благородным гостеприимством?»

«О!» — воскликнула она тоном, в котором одновременно выражались и потрясение, и радость. — «Я должна искренне извиниться перед господами за то, что так долго держала вас в напряжении. Я думала, вы знаете. Но теперь мне ясно: я знаю вас по последнему фестивалю в Бёггене, но вы никак не можете знать всех его посетителей. Вы с окружным клерком, господином Шнайдером, а я его дочь. Мне просто жаль, что вашего отца нет дома».

Теперь мы поняли причину такого гостеприимства. Мы радостно спели несколько куплетов, а затем с

удовольствием поели. Наша добрая хозяйка сообщила нам, что её отец гостит у своего зятя, пастора Жаке, в Гле .

«На обратном пути вы обязательно должны зайти к нам ещё раз , — сказала она, — тогда он будет дома. О, как он будет счастлив; он большой любитель музыки и пения».

При прощании, которое состоялось после трёх часов, она взяла с нас серьёзное обещание вернуться, и чтобы быть уверенными в этом, нам пришлось остаться в рубашках и носках, а свои оставить в стирке . Но сдержали слово только я и ещё двое. Остальные же вернулись другим маршрутом.

Окружной секретарь был пожилым, но чрезвычайно дружелюбным и жизнерадостным человеком. Мы провели очень приятный вечер с ним и его очаровательной дочерью.

Отсюда мы направились к Вайзенштайну . В сопровождении проводника мы прибыли в тамошнюю гостиницу около полуночи , но не нашли входа , так как все комнаты были заняты незнакомцами, и все так крепко спали , что весь наш шум и крики были напрасны. Сначала мы искали убежища от ночной прохлады под навесом. И здесь я снял свою пропотевшую рубашку и надел сухую. Затем мы пошли на Кульм [самая высокая вершина горы] и развели костер, который согрел нас с одной стороны, но с другой стороны, обращенной к огню, мы ужасно замерзли. На рассвете мы также поняли, что наш лагерь находится совсем рядом с ужасающей пропастью, в которую ветер унес шелковый зонтик нашего учителя музыки, и которая легко могла быть

опасной и для нас. Однако восход солнца заставил нас забыть обо всем. Нужно увидеть что-то подобное, чтобы получить настоящее представление об этом. Солнце, словно огненный шар, взошло на востоке, озаряя великолепный горный пейзаж. Вверху ярко сияло солнце, а внизу, словно морская гладь, мерцал туман. У подножия горы, кубической формы, лежал город Золотурн; река Аре извивалась голубой лентой по пышным лугам, а несколько озёр сверкали, словно зеркала. На это зрелище можно было смотреть вечно.

Около девяти часов мы вернулись в гостиницу, надеясь, что кофе оживит наши уставшие конечности, но сон взял верх. Мы попросили ночлег и закрылись до трёх часов дня, когда простая еда показалась нам гораздо вкуснее.

Затем мы спустились по крутой, но гораздо более короткой тропе в Золотурн, и неподалёку увидели долину Кедрон с Гефсиманией. Всё это охраняется и поддерживается отшельником. На пологом возвышении лежат фигуры спящих учеников в натуральную величину, а чуть дальше, у куста, Спаситель стоит на коленях, а над ним, в ветвях, появляется ангел с чашей в руке. Издалека пейзаж выглядит неплохо, но это не настоящие Кедрон и Гефсимания Святой Земли, а лишь их бледная имитация, поэтому впечатления не слишком глубокие.

Обновившись и окрепнув душой и телом, мы вернулись в наш любимый Бёгген и с обновлённой решимостью продолжили учёбу.

Это была моя последняя поездка туда на отдых.

Наконец , я не могу не отметить, что воспоминания об этих поездках на отдых до сих пор пробуждают во мне тоску по прекрасной Швейцарии.

∞